

Как только он произнес последнее слово, во дворе воцарилась тишина.

Ошеломленный тем, что только что сказал Се Юй Чжи, Чэнь Мяо Пин подумал: "Убить кого-нибудь?" Он не мог убить человека. Он рефлекторно посмотрел на Чунь Цяо, но был встречен только видом ее души, покидающей тело от шока. Ее глаза были ошеломлены, и казалось, что она уже мертва.

Этот золотой кинжал спокойно лежал на земле и мерцал под лучом лунного света, который придавал ему немного кровожадной ауры, чем больше на него смотришь.

Видя, что Чэнь Мяо Пин не двигается, Се Юй Чжи спросил его:

«Что, не хочешь?»

В глубине души Чэнь Мяо Пин думал, что это не совсем так, но он чувствовал, что этот тип вопроса представляет собой ту же дилемму, что и вопрос: «Если бы ваша мать и ваша жена упали в море одновременно, кого бы вы спасли первым?»

Он заколебался, протягивая руку, но в тот момент, когда собирался коснуться кинжала, отдернул ее. Стоя под тяжелым взглядом, устремленным на него, он сказал:

«Сегодня наша брачная ночь, радостный праздник между тобой и мной. Не повезло, что в этот день пролилась кровь. Второй Мастер, если вы не возражаете, мы должны обсудить этот вопрос в другой день и отпустить ее вместо этого.»

Не обращая внимания на его оправдания, Се Юй Чжи переместил свое тело и пристально посмотрел на это элегантное лицо,

«Я был на поле боя с юности и даже не помню, сколько людей погибло от моих рук. Никогда не было времени, когда мне нужно было выбрать дату, чтобы сделать это.»

Се Юй Чжи сделал себе имя, когда был молод. Его навыки в каллиграфии, поэзии, военном деле-все было выше, чем у обычного человека. В шестнадцать лет он повел войска на завоевание соседей-варваров и вернулся с победой. С тех пор он не проиграл ни одной битвы, что делало его очень привлекательным и желанным для многих женщин. Можно даже сказать, что в этом поколении не было никого лучше его.

И все же, хотя все думали, что на его пути к величию нет остановки, никто не мог ожидать, что произойдет инцидент, который приведет к его падению. С кажущимся светлым будущим от его растущих побед, собранных под его мечом во имя императора, у него был прямой путь вверх, к титулу величайшего при императорском дворе для власти и власти, чуть ниже императора.

Но во время завоевания Дун Ся Се Юй Чжи попадет в ловушку врага. Из-за этого его правая

нога с тех пор была искалечена. За два года он ни разу не покидал особняка, и настроение его становилось все более переменчивым, меняясь в мгновение ока.

Если присмотреться повнимательнее, можно понять, но, к сожалению, в центре внимания всегда были результаты, а не путешествие. Не имело значения, почему его настроение постоянно менялось, его имя все еще ассоциировалось с жестокостью и злом из-за изменения его личности после Дун Ся.

Чэнь Мяо Пин не двигался, его мозг быстро включал свои шестеренки, пытаясь найти способ выбраться из этого невредимым. Однако терпению Се Юй Чжи, казалось, пришел конец. Он переплел пальцы и спокойно выбросил еще одну мину,

«А если я скажу, что один из вас двоих должен умереть сегодня?»

Его зрение, как змея, скользнуло по шее Чунь Цяо и медленно остановилось на Чэнь Мяо Пине. Каждое слово произносилось четко и медленно, как он сказал,

«Это будет твоя смерть..... или это будет для нее?»

Конечно, он будет принадлежать ей.

Чэнь Мяо Пин некоторое время смотрел на этот кинжал, а затем повернулся к Чунь Цяо. Его взгляд метался между ними, как будто он раздумывал, стоит ли ему это делать.

Он не знал, что то, как он смотрел на Чунь Цяо, было так, как будто он смотрел на кого-то, кто уже был мертв. Его глаза были настолько бесстрастны, что это было страшнее и страшнее, чем любые глаза ненависти.

Чэнь Мяо Пин был действительно красивым мужчиной, человеком с такой красивой внешностью, которую редко можно было увидеть на этой земле. В присутствии его лица, Луна будет чувствовать себя, как если бы он вдруг потерял свой блеск. Но в этот момент Чунь Цяо мог видеть только руку, спрятанную в рукаве.

У руки была очень четкая костная структура, рука, которая, как она могла сказать, очень привыкла держать кисть для каллиграфии. Это была рука, которая заставляла задуматься, будет ли держать острый нож так же привычно, как держать щетку.

Этот человек был таким безжалостным, таким бессердечным, со способностью менять свое лицо быстрее, чем можно перевернуть книгу. Только что он пел ей с обещаниями любви, которые могли охватить всю поверхность этой земли, с легкими восхвалениями душераздирающей любви, а в следующее мгновение он станет чужим, чтобы защитить себя.

В следующую секунду он убьет ее.

Он просто убьет ее.....

Зрение Чунь Цяо начало колебаться. Она безостановочно дрожала, по спине стекал холодный пот. Чэнь Мяо Пин, казалось, что-то почувствовал, и он посмотрел на нее, как будто эта рука в его рукаве собиралась пошевелиться —

Она услышала только звук “вонг”, и ее мозг немедленно отключился. Как будто шок принес ей столько невыносимых страданий, что вся логическая мысль исчезла, она внезапно сошла с ума и рванулась вперед, чтобы схватить кинжал. Вскрикнув, она ткнула им в сторону Чэнь Мяо Пина.

«Гу-Е!»

Соседние слуги пришли в неистовство, их пронзительные вопли напоминали разноголосый хор. Чэнь Мяо Пин не ожидал, что эта женщина вдруг сойдет с ума, и ему сразу же захотелось убежать от нее. Возможно, он слишком долго стоял на коленях, так как в этот момент его ноги не могли встать, и он мог только рефлекторно блокировать удар руками.

Но именно в этот момент Се Юй Чжи внезапно выбросил что-то из своих рук, мгновенно попав в запястье Чунь Цяо. Она вскрикнула от боли, когда кинжал со звоном упал на землю.

«Похоже, тебе больше не нужно выбирать. Она уже сама выбрала дорогу.»

Се Юй Чжи бросил взгляд в сторону, и охранник немедленно вышел вперед, чтобы усмирить Чунь Цяо. Волосы ее были сильно взъерошены и растрепаны, а сама она плакала и смеялась, явно пребывая в состоянии безумия.

Чэнь Мяо Пин почувствовал, как что-то застряло у него в горле, и после нескольких глубоких вдохов он почувствовал, как его горло медленно расслабляется. Он подумал про себя, что только что с большим трудом сохранил свою жизнь после переселения и действительно не может упустить этот второй шанс на жизнь.

Он взял себя в руки и поднял глаза, чтобы посмотреть на Се Юй Чжи, руки в поклоне, говоря с благодарностью,

«Спасибо Второму Мастеру за то, что спас меня.....»

Се Юй Чжи не обратил на него внимания. Глядя на него в молчании, уголки его рта приподнялись, как будто он насмеялся над Чэнь Мяо Пином,

«А стоило ли это делать такой женщине?»

Стоит ли рисковать своим с трудом заработанным именем и будущим, стоит ли мне стать посмешищем в первую брачную ночь, стоит ли тебе колебаться, поднимая клинок?

Казалось, был момент, когда свет не отражался в его глазах, но Чэнь Мяо Пин мог понять. Для любого, кто видел своего партнера в ночь их свадьбы, дурачащегося с другой женщиной, их сердце, скорее всего, было более мертвым, чем пепел.

Чунь Цяо быстро увели, и окружающие слуги уже ушли в мгновение ока. В мгновение ока Двор Ку Фэна опустел, за исключением этих двоих и их ближайших личных помощников. В этот момент вошла пожилая служанка, Момо¹. За ней следовали две младшие служанки, которые, судя по всему, занимали довольно высокое положение среди слуг. Но та Момо поклонилась Се Юй Чжи и тихо сказала,

«Гун-Е-2 ждет Второго Мастера в пагоде Диан Юн.»

Услышав это, Се Юй Чжи кивнул головой в знак согласия. Однако Чэнь Мяо Пин чувствовал себя немного странно, так как Момо бросила на него глубокий взгляд перед уходом, и он не мог не проанализировать, что это значит.....

Может быть, потому, что прежний хозяин был слишком ужасен, его тестю понадобилось выгнать этого зятя?

Этого не может быть.

В современную эпоху Чэнь Мяо Пин был бесполезным куском хлама, знавшим только еду, питье и веселье. Здесь, в древние времена, он не мог заниматься ни одним из изящных искусств, и у него определенно не было никаких навыков боевых искусств. Если его выгонят, единственное, что он может сделать, - это умереть с голоду.

Учитывая, что это будет означать, что он будет на плохой стороне Чан Го Гуна, он не сможет получить какую-либо опору в качестве имперского чиновника, быть частью императорского двора. Если все станет так, придется ли ему быть проституткой, продавать свое тело, чтобы продолжать жить? Нет, нет, нет, этого не может быть.

Увидев, что Се Юй Чжи встал со стула, словно собираясь уходить, Чэнь Мяо Пин быстро поднялся с земли, неуклюже крича ему вслед,

«Второй Мастер! Второй Мастер, подождите, подождите!»

Услышав это, Се Юй Чжи остановился и слегка повернул голову, чтобы посмотреть на него. Его глаза были холодны, как лед. Он был привлекателен даже своей холодностью, но эта привлекательность была смягчена окружающим пессимизмом последних лет.

Чэнь Мяо Пин был его полной противоположностью; его глаза были полны жизни, действия. Даже те, кто живет в самых глубоких тайных переулках, сказали бы, что Искатель Цветов, должно быть, настолько красив, что находится вне этого мира. Его внешность должна быть настолько красивой, что если бы его увидели люди с каменным сердцем или хладнокровные, они бы растаяли.

В тот день, когда он ехал верхом по улицам после оглашения результатов экзаменов, его репутация была настолько велика, что каждое здание было заполнено до краев, резко уменьшив распространенное имя экзаменатора первого ранга и соблазнив слишком много девушек в столице.

Встретившись с ним взглядом, лицо Се Юй Чжи было как чистый лист, терпеливо ожидая продолжения. Однако он услышал только слова Чэнь Мяо Пина,

«Второй Мастер был прав, говоря, что я не смогу этого сделать.....»

Эти слова сразу же заставили Се Юй Чжи похолодеть, и он был готов развернуться и уйти. Но Чэнь Мяо Пин оказался быстрее и преградил ему путь,

«Я не могу этого сделать, это правда, но это не потому, что я испытываю к ней чувства.»

Се Юй Чжи не хотел слушать и его губы выплюнули два слова холодно,

«Отойди в сторону.»

Ноги Чэнь Мяо Пина не двигались и он продолжал говорить,

«Чунь Цяо - человек неуместный. Мяо Пин видит в ней только мимолетного гостя, ясный ветер, плывущее облако, никогда не имеющее никаких связей. Я никогда в жизни не убивал никого голыми руками. Независимо от причины, если я действительно убью ее сегодня своими руками, я никогда не смогу забыть ее до конца своей жизни. Зачем же тогда мне понадобилось это делать?»

Видя, что Се Юй Чжи не двигается, Чэнь Мяо Пин улыбнулся и сказал:

«Мяо Пин не желает запоминать на всю жизнь такого неуместного человека.»

А потом он раскрыл ладонь, на которой спокойно лежал красивый полупрозрачный нефритовый амулет. С первого взгляда можно было сразу сказать, что это был продукт высокого качества, который нельзя было купить на улице случайно.

Как раз в тот момент, когда Чунь Цяо хотел ударить Чэнь Мяо Пина, Се Юй Чжи использовал

такой предмет, чтобы ударить ее по запястью. К несчастью, от удара он упал на землю и теперь был разбит на две части.

Чэнь Мяо Пин сказал,

«На этой подвеске вырезано имя Второго Мастера, и поскольку ты когда-то носил ее как аксессуар, она должна быть чем-то драгоценным для тебя. Очень жаль, что она сломана. Как только Мяо Пин найдет хорошего мастера, чтобы починить его, я верну его Второму Мастеру.»

Если бы у мужчины была красивая кожа на его скелете, почти половина женщин, живущих в этом мире, попала бы под его обувь. Добавляя щедрость, заботливое сердце и интуицию, еще одна половина оставшихся женщин тоже влюбится в него.

Теперь, учитывая его наполненный медом рот и нежный, но стальной позвоночник, упакованный вместе вот так, в лучшем случае будет только одна из десяти женщин, которая не влюбится в него. Можно сказать, что была причина, по которой из многочисленных и бесчисленных испытуемых, из всех талантов, собравшихся в одном месте для одного дела, семья Чан Го Гуна выбрала именно его.

Услышав это Се Юй Чжи пристально посмотрел ему в глаза и наконец сказал,

«Вещи, которые были сломаны, я никогда не хотел снова.»

Чэнь Мяо Пин не возражал против его слов и даже подумывал о переговорах,

«Тогда в будущем, когда будет найдено что-нибудь получше, Мяо Пин купит Второму Мастеру новый.»

А затем он слегка отодвинулся в сторону, вновь открывая дорогу для Се Юй Чжи.

Увидев, как он незаметно и естественно вложил сломанный нефрит в свои объятия, Се Юй Чжи, казалось, хотел что-то сказать, но в конце концов не открыл рта. Он лишь мельком взглянул на свои колени и захромал прочь, медленно шагая за шагом.

Вскоре после того, как он ушел, одна из главных горничных Двора Цу Фэн, Рен Дон, внезапно вернулась с подносом в руках. Она поклонилась Чэнь Мяо Пиню и сказала,

«Это лекарство, которое Второй Мастер приказал нам дать Гу-Е. Горячая вода также была приготовлена внутри для вас. Гу-Е, пожалуйста, войди в дом. Эта горничная поможет вам нанести лекарство на колени.»

Чэнь Мяо Пин удивился, услышав это, а затем покачал головой,

«Нет, в этом нет необходимости. Я могу сделать это сам.»

Он взял поднос из рук Рен Дуна и вошел в дом. Он закрыл за собой дверь и взглянул на украшения, которые, судя по одному взгляду, должны были стоить десятки тысяч золотых. Он не мог удержаться от легкого смеха, эмоции отражались в его глазах неясно и глубоко.

Чэнь Мяо Пин прислонился к двери, сцепив руки, чувствуя себя очень довольным в своем сердце и молча возблагодарив небеса.

Я очень благодарен вам за то, что вы подарили мне такой предмет.

Красивый, высокий, богатый и человек, которого слишком легко обмануть.

Пожалуйста, присмотрите за мной и защитите меня от того, чтобы мой тесть не выгнал меня с этой должности зятя.

Поскольку такое большое событие произошло так поздно ночью, Чан Го Гун Се Янь Пин, очевидно, получил известие об этом. Но он принял во внимание тот факт, что Се Юй Чжи вырос и больше не может считаться ребенком. Он решил оставить это дело в руках Се Юй Чжи, чтобы тот справился с ним сам.

Честно говоря, Се Янь Пин очень хотел выгнать этого никчемного и бесполезного зятя, который женился на их семье. Но этот брак был благословлен самим императором, и, несмотря ни на что, это было не то, что можно изменить по прихоти.

Кроме того, если об этом инциденте станет известно, их репутация начнет рушиться. Единственное, что они могли сделать, - это обвинить себя в том, что не знали этого человека заранее и приняли волка за своего зятя.

Пагода Диань Юн была обычной канцелярией Се Янь Пина, где он занимался всеми официальными документами и другой работой. В обычный день без его разрешения никто не мог войти, но Се Юй Чжи был исключением.

Се Юй Чжи вошел в кабинет, и вид Се Янь Пина, сидящего за столом, с медленно тускнеющим светом свечи, сразу же приветствовал его. Не было никаких указаний на то, как долго Се Янь Пин был здесь. Он доложил обо всем, что произошло сегодня вечером, и получил в ответ только выговор,

«Глупо!»

Се Янь Пин разозлился до беспомощности и с силой постучал по столу,

«Ты позволил Чэнь Мяо Пиню так долго стоять на коленях на открытом месте. Если это когда-нибудь станет известно, разве ты не дашь ему публичную пощечину? Возможно, сейчас он готов склониться и извиниться, но можете ли вы обещать, что он не просто скрывает растущую ненависть в своем сердце? Какой мужчина не обманывает? Надо было просто продать этого никчемного слугу. Иначе Чэнь Мяо Пин остановил бы вас или поднял бы шум? Ты позволил чему-то подобному случиться, превратив идеальную пару в наполненные ненавистью отношения. Это абсолютно глупо!»

Се Юй Чжи не сказал что изначально планировал убить обоих этих ублюдков и только опустил глаза говоря,

«Те, кто предаст меня, должны умереть.»

«Идиотизм!»

Се Янь Пин родился и жил, окопавшись в боевых искусствах, поэтому его характер был довольно взрывным. Он тут же грохнулся на стол и встал.,

«Как твой отец, я знаю, что ты хранил ненависть в своем сердце с тех пор, как тебя предал твой подчиненный в Дун Ся. Но вы должны смотреть на ситуацию и время с ясностью. Сегодня не то же самое, что вчера. Если они не кровные родственники, кто будет выцарапывать их сердца и души для вас?!»

В тот момент, когда он упомянул Дун Хана, атмосфера в воздухе стала торжественной и напряженной.

Се Юй Чжи был многообещающим, талантливым юношей, и эта битва была легко в их пользу. Но кто мог ожидать, что доверенный подчиненный предаст их и раскроет все их встречи и другую информацию? В конечном счете это привело к тому, что армия из более чем десяти тысяч человек попала в ловушку врага, где буквально борьба с их жизнями на линии была единственным способом спастись.

В его жизни была только эта крупица потери, но этого было достаточно, чтобы он больше никогда не смог встать. Горячий дух в нем внезапно застыл в этот момент времени, и его молодость и честолюбие были стерты в ничто двумя годами прикованности к постели из-за его ран. Но еще больше, однако, была его неспособность снова доверять другому человеку.

Видя, что Се Юй Чжи молчит, Се Янь Пин внезапно вздохнул. Он медленно опустился на стул и пробормотал:

«Когда твой старший брат Хэн Чжи умер в юности, я, твой отец, остался с тобой, как мой единственный главный сын. Ты очень похож на свою мать, с характером таким же упрямым, как у нее. Ты любишь мужчин, и я, как твой отец, это признаю. - Ты не хотел выходить замуж за другого мужчину, как его жена, - согласился я. Чтобы выбрать этого Чэнь Мяо Пина в

качестве твоего мужа, твоего отца, я тоже согласился. Чего еще ты хочешь.....»

Здесь, в столице, не было ничего необычного в отношениях с другим мужчиной. Многие чиновники держали мужчин на стороне, но даже если они выходили замуж за жениха, они, по крайней мере, женились бы на другой наложнице, чтобы произвести потомство, продолжить род своих предков. Независимо от того, была ли это императорская семья или средний простолюдин, это было нормой.

Чан Го Гун знал, что Се Юй Чжи не позволит своему мужу сделать такое, и поэтому он выбрал Чэнь Мяо Пина, человека, которым можно легко управлять. Он даже дошел до того, что попросил императора благословить их брак, чтобы заткнуть людям рты.

Но реальность доказала, что ни один человек не может не обманывать. И независимо от того, признают они это или нет, брак уже был высечен на камне, а это означало, что им придется принять его как судьбу.

Се Янь Пин устало закрыл глаза и махнул рукой в воздухе. Он сказал,

«Позови служанок, пусть принесут мягкую подушку. Ты сам встань на колени на пол Ши-Чена снаружи.»

Это было для блага Се Юй Чжи, поскольку, в конце концов, Чэнь Мяо Пин был Искателем Цветов. Сегодня перед слугами он преклонил колени, чтобы получить полный Ши Чен, что, должно быть, подпитывало злобу, которую он, скорее всего, затаил в своем сердце.

Если этот инцидент дойдет до ушей императора, это плохо отразится на их семье. Наказав Се Юй Чжи встать на колени на пол Ши Чэня, он должен был, по крайней мере, вернуть Чэнь Мяо Пину хоть какое-то лицо. Если бы это когда-нибудь просочилось сейчас, другие только подумали бы, что старейшины семьи хотят наказать их обоих и посмеяться над всеми другими мыслями.

Се Юй Чжи не двинулся с места и поджал губы, молча демонстрируя часть своего упрямства. Чан Го Гун поднял глаза, чтобы посмотреть на него, и спросил легким тоном:

«Ты чувствуешь себя обиженным?»

А потом, не дожидаясь ответа, сказал:

«Для тебя естественно чувствовать себя обиженным. Кто, как человек, не чувствовал этого? Но эта дорога - та, по которой вы сами решили идти. Ради лица и достоинства этой семьи, несмотря ни на что, ты продолжишь идти по этому пути ради меня!»

Се Юй Чжи наконец-то отреагировал на это, и было неизвестно, принял ли он этот урок близко

к сердцу или нет, но он слегка поднял руки и поклонился, говоря,

«Спасибо, отец, за урок.»

Он медленно, прихрамывая, вышел из пагоды Диань Юн, отодвинув подушку, переданную слугами, и опустился на колени прямо перед внутренним двором, на дорогу, вымощенную камнями. Его маленький и тощий силуэт стоял очень прямо, как будто он был стеблем бамбука.

Се Юй Чжи не заботился о своих ногах, так как одна из них уже была инвалидом. Что будет, если он покалечит другого?

Слуги вокруг суетились, но не смели насмеяться над этим господином. Но даже это не остановило сплетен, пронесшихся по поместью. Вскоре после этого он был передан в уши Чэнь Мяо Пина.

«Что? Второй Мастер был наказан вставанием на колени?»

Чэнь Мяо Пин только что закончил ухаживать за своими ранами, и, услышав это, закатанные штаны стали свободными. Рен Дон нахмурила брови и выглядела очень обеспокоенной,

«Служанки передавали сообщение, что Второй Мастер каким-то образом свел Го Гуна с ума и теперь стоит на коленях под пагодой Диань Юн.»

Примечания:

*1 Мо-мо: способ вызвать пожилую/более пожилую горничную или служанку, которая довольно стара и работает довольно высоко по статусу по сравнению с другими слугами. Если их называть Мо-мо, то это в основном те, кто работает очень долго, и они выше по статусу, чем молодые горничные. В зависимости от того, кто их конкретный хозяин/хозяйка, тем более высокий уровень они могут быть (так что если бы это был Мо-мо Чан Го Гуна, она была бы выше по статусу, чем любой другой возможный старший Мо-мо из поместья Чан Го Гуна, например). Есть также довольно много других факторов, но вы можете думать об этом как о статусе и возрасте (выше + старше), как о том, кто определяется как мо-мо.

*2 Гун-Е: способ призывать в ответ Чан Го Гуна, как Второго Мастера. Может быть использован для любого мужчины-главы семьи, который обычно является самым уважаемым (- Ye как суффикс может быть использован сам по себе для мужчины, который старше)

<http://bllate.org/book/17367/1628896>